

ОБСУЖДАЕМ УЧЕБНИКИ

НЕПРОСТИТЕЛЬНЫЕ ДЕФЕКТЫ *

Русская литература XX столетия — трудная и интересная страница в истории культуры. Она развивалась на том этапе освободительного движения, когда В. И. Ленин готовил пролетарскую партию к решающим боям с царизмом и капитализмом. Это было время широкого общественного подъема, когда в цветении таланта находились те, кого по праву называют гордостью русского искусства, — М. Горький, А. Блок, В. Серов, М. Нестеров, С. Рахманинов, Ф. Шаляпин. Одновременно это была пора идейных шатаний интеллигенции, распространения в искусстве декаданса, с которым передовые деятели культуры, и прежде всего М. Горький, вели самую непримиримую борьбу. Относительно этого периода многое еще недоговорено. О нем и по сей день бытуют противоречивые, подчас путанные представления. С надеждой обращаемся мы к новой книге А. Волкова.

Оговоримся заранее, что, будучи учебным пособием, как сказано в подзаголовке, она не может претендовать на большую оригинальность в освещении материала. А. Волков, естественно, стремился отобрать в свою книгу отстоявшиеся оценки, проверенные характеристики. Но цели ее не ограничиваются только популяризацией. За последние двадцать лет — это первая (помимо десятого тома академической «Истории русской литературы») обобщающая работа о русской литературе начала нашего века.

А. Волкову принадлежит немало статей и книг, посвященных литературному движению этой поры. Новая книга представляет собой как бы итог его прежних работ.

Заглянем в оглавление. Здесь в общем привычный и оправдавший себя состав и порядок расположения материала. Наибольшее число страниц уделено дооктябрьскому творчеству Горького. Исторически оправданно выступают сгруппированные по гнездам пролетарские писатели, так называемые писатели критического реализма, а также поэты, связанные с различными течениями модернизма; замыкает книгу краткий обзор творчества молодого Маяковского. И хотя в ряде случаев можно оспорить логичность отдельных переходов (например, представляется более убедительным расположение, при котором разбор творчества группы реалистов — Бунина, Куприна, Вересаева и др. — предшествует разделу о пролетарской литературе, в особенности о пролетарской поэзии, как это сделано в учебнике Б. Михайловского «Русская литература XX века», М. 1939), но в целом такое построение дает возможность охватить важнейшие линии и вехи в развитии литературы XX столетия.

---

* А. А. Волков, Русская литература XX в., Учпедгиз, М. 1957, 309 стр.

Подкупает стремление А. Волкова подойти к оценке литературных процессов с позиций коммунистической партийности. Обращаясь к различным писателям и поэтам, он словно поверяет их значимость крылатой горьковской формулой: «С кем вы, мастера культуры?» Оттого-то фигура Горького показана в книге столь крупным планом и так сравнительно подробно разобрано дооктябрьское творчество писателей, ставших затем видными строителями социалистической культуры, — А. Серафимовича, Д. Бедного, А. Толстого, В. Маяковского.

Справедлива трактовка творческого метода группы писателей-демократов. Опять-таки и тут успехи советской науки о литературе налицо. Углубленное изучение литературного процесса позволяет рассматривать критический реализм этого времени не как течение, клонящееся к упадку с появлением реализма социалистического, а как живое и плодотворное направление. Ограниченность мировоззрения писателей-реалистов не исключала для них возможности создавать произведения, в которых отражались существенные стороны русской жизни тех лет. А. Куприн в «Молохе» и «Поединке», И. Бунин в «Черноземе», Д. Айзман в «Терновом кусте», И. Шмелев в «Гражданине Уклейкине» и «Человеке из ресторана», Л. Андреев в пьесе «К звездам» и многие другие писатели выступают союзниками и попутчиками Горького, объединяются вокруг него в демократическом издательстве «Знание». Развивая положения, уже высказанные в десятом томе «Истории русской литературы» (где, кстати, А. Волкову принадлежат статьи о Куприне и Бунине), автор учебника еще раз опровергает старую, пустившую довольно прочные корни концепцию засилия натурализма в русской прозе 900-х годов.

Ограниченный объем учебного пособия не позволил автору подробно проследить многие важные явления, не говоря уже о менее значительных. Поэтому вполне закономерно он сосредоточился на основных особенностях литературного процесса, на самых общих его чертах. Однако бросаются в глаза серьезные недостатки книги.

А. Волков развернуто и убедительно говорит об огромном общественном резонансе творчества М. Горького, о влиянии великого пролетарского писателя на всю литературу XX века. К сожалению, в дальнейшем это справедливое стремление реализуется несколько прямолинейно: почти в каждом шаге Горького автор усматривает желание кого-то наставлять, поучать, «обратить». «Если Горький и вступает в личную связь и переписку с представителями декадентства, — пишет А. Волков, — то это связано у него с его постоянным стремлением направить творчество всякого сколь-нибудь талантливого и ценного писателя на путь демократизма» (стр. 239). Верная мысль теперь уже обедняет многостороннюю, человеческую натуру Горького, превращая его в какого-то сухого ментора. Даже не напоминая об известных фактах из переписки Горького с Л. Андреевым или В. Брюсовым, приведем его совет Д. Айзмону: «В скобках скажу, что вообще соглашаться со мной — не надо, меня можно и — пожалуй — следует слушать, когда я говорю о литературе, ибо я ее люблю, как мать родную, мать-красавицу, мать-героиню. А соглашаться ни с кем не надо, кроме как Айзмону — с Айзманом, а Горькому — с Горьким. Seriously»¹.

А. Волков следующим образом характеризует молодого Горького: «Остро сатирический и гневно обличающий пафос великого демократа Щедрина, внешне бесстрастные картины жизни, создаваемые суровым реалистом Чеховым... с одинаковой силой влияли на раннего Горького» (стр. 29). Весьма симптоматичное замечание:

¹ М. Горький, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 29, стр. 11.

удобное словцо «с одинаковой силой» подменяет серьезный разбор. А как же быть с различиями?

Перечислив на едином дыхании имена «таких высоко одаренных людей, как Демьян Бедный, А. Богданов, Л. Радин, А. Коц, Евг. Тарасов, А. Маширов-Самобытник, Е. Нечаев, И. Привалов, Ф. Шкулев, А. Гмырев, А. Поморский, И. Ерошин, Л. Котомка, А. Белозеров и другие», А. Волков заключает: «Так же, как и М. Горький в прозе, пролетарские поэты утверждали иное видение мира» (стр. 84). Верно — иное. Но *так же* ли? И дело не в том только, что пролетарская поэзия «еще испытывала некоторое формальное влияние символизма» (что, между прочим, следовало бы хоть как-нибудь доказать: этого ведь никак не скажешь о самом видном ее представителе Д. Бедном). Очевидно, что пролетарская литература предреволюционных лет еще не выдвинула поэта, о котором мечтал Горький, говоря: «Русь нуждается в большом поэте... как Пушкин, как Мицкевич, как Шиллер...»¹.

Сходная неразборчивость в анализе литературных явлений встречается иногда и в главах, где рассматривается творчество писателей-реалистов. Объединив группу демократически настроенных прозаиков (сюда вошли А. Куприн, Е. Чириков, В. Вересаев, Н. Тимковский, С. Гусев-Оренбургский), А. Волков заключает: «Борьба этих писателей с торжествующей пошлостью была, бесспорно, прогрессивна, хотя они переносили внимание (?) в область иллюзий и полужантасических мечтаний» (?) (стр. 147). Горше обвинения реалистам придумать нельзя. Нет, можно, ибо на стр. 149, снова указав на недостаточность старого реализма, А. Волков оговаривается: «Сказанное отнюдь не значит, что писатели-реалисты только критиковали крепостнический строй, только нагнетали (?) удушающую атмосферу (!) разложения буржуазного общества и психики мещанина». Что означает здесь это «только»? И зачем художникам, которых сам же автор называет критическими реалистами, приписывать столь сомнительные «заслуги»?

Хорошо, что в разделе «Писатели критического реализма» помещена глава об Л. Андрееве. Попытка выделить в наследии Л. Андреева реалистические тенденции, которые сохраняют свою значимость и по сей день, на наш взгляд, плодотворна. Но она не распространяется дальше заголовка.

В «Жизни Василия Фивейского» звучит с исключительной силой богоборческая тема, гневный протест против слепого подчинения «высшей» власти. Недаром Горький так охарактеризовал «Василия Фивейского»: «Лучше этого — глубже, яснее и серьезнее — он (т. е. Л. Андреев) еще не писал. Очень, очень крупная вещь!»². Высокую оценку рассказу дали Короленко и Блок. А. Волков же отмечает в произведении «безысходный пессимизм, неверие в прекрасное и человеческое, проповедь смерти как избавления» (стр. 218) — и только. Таким образом, в своем анализе он ограничивается лишь одной стороной литературного явления.

А в разборе пьесы «Царь Голод» А. Волков отождествляет заключительный монолог Царя Голода, адресованный расстрелянным восставшим («Чего добились, безумцы?.. У нас пушки, у нас ум, у нас сила, — а что у вас, несчастная пададь?» и т. д.), с точкой зрения самого автора. Получается, что Л. Андреев, хотя и не понявший революции, но заклеивший в пьесе сытых и тупых буржуа, их лицемерный суд

¹ Д. Семеновский, А. М. Горький. Письма и встречи, Иваново, 1938, стр. 5.

² «Архив А. М. Горького», т. IV, М. 1954, стр. 138.

над восставшими, на самом деле приветствовал карателей. Здесь уже А. Волков получает возможность воскликнуть с гневной укоризной: «До такого циничного воспевания «целесообразности» расправы, пожалуй, никто не доходил ни из предшественников, ни из современников Андреева» (стр. 223). Вот тебе и «критический реализм»!

Несколько строк уделил А. Волков своеобразию манеры Л. Андреева: «Письмо Андреева — угловатое, острое, с резкими гранями; оно изобилует туманными и условными символами, намеками, затрудняющими восприятие темы» (стр. 228). Первая половина этой характеристики представляет собой цитату без кавычек из статьи В. Воровского «Леонид Андреев»: «Письмо Л. Андреева угловатое, острое, с резкими гранями, местами вдруг переходящее в красивую образную лирику»¹. Что же касается второй, то так ли уж туманны произведения Л. Андреева? И, быть может, многое здесь следует отнести за счет своеобразной писательской манеры, для которой характерна рационалистическая символика, гиперболизация, нарочитый схематизм в построении характеров, создание персонажей, в которых разлито «Зло», «Рок», «Разум», «Бедность», «Богатство», манеры, не знающей среднего регистра и превращающей произведение в сплошной вопль отчаяния и ужаса — словом, манеры, рожденной анархическим неприятием буржуазного мира. Не зыбким и эскизным зарисовкам импрессиониста Б. Зайцева, где все — настроение, незаметно меняющее тона, а гротескным драмам немецких экспрессионистов Эрнста Толлера, Георга Кайзера родственны произведения Л. Андреева. «Он явился,— замечает Б. Михайловский,— одним из первых и наиболее характерных в европейской литературе XX века писателем нового стиля — экспрессионизма»².

На примере Л. Андреева видно, как художник, даже захваченный модернизмом, в своих наиболее значительных созданиях передает возмущение против давящего уклада, с незаурядной силой рисует жуткую маску буржуазного мира. Иногда и писателям, творчество которых в целом укладывается в рамки символизма, подчас удавалось запечатлеть реальные явления и противоречия. Так, Андрей Белый создал полную скорби о народе книгу «Пепел». Так, при серьезном разговоре о прозе 10-х годов нельзя умолчать о романе Ф. Сологуба «Мелкий бес». В нем писатель создал образ Передонова, этот, по словам В. И. Ленина, «тип учителя, шпиона и тупицы»³. Заурядный учитель провинциальной гимназии вырастает в символ реакции 80-х годов. Недаром В. И. Ленин использовал образ Передонова в статье «К вопросу о политике министерства народного просвещения». В другой своей статье «Национальный состав учащихся в русской школе» В. И. Ленин требует изгнания из школы «передовщины»⁴. Роман «Мелкий бес» выдержал двенадцать изданий, последнее из которых относится к 1933 году. Словом, и «Пепел» А. Белого, и «Мелкий бес» Ф. Сологуба должны были найти свое место в учебнике.

В книге следовало бы показать эволюцию А. Блока. Говоря о расхождении Блока с «Розановым и Мережковским» (так прямо через «и», хотя отношение к первому и второму было у Блока различным), о разрыве его с Белым, об отношении к Горькому и пр. и пр., приводя разные высказывания поэта, А. Волков почти

¹ В. В. В о р о в с к и й, Соч., т. II, Соцэкгиз, 1931, стр. 244.

² Б. В. М и х а й л о в с к и й, Русская литература XX века, Учпедгиз, М. 1939, стр. 328.

³ В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 19, стр. 113.

⁴ См. т а м же, стр. 483.

нигде не уточняет, *когда* это происходило или было сказано, *как* это друг с другом связывалось, *какова* конкретно эволюция Блока — поэта и гражданина.

Весьма спорным кажется нам и общее понимание творческого пути А. Блока: «Начав свой путь в русле символизма, Блок вырос в последнего крупнейшего поэта критического реализма», — пишет А. Волков (стр. 294).

Выходит, что Блок велик главным образом как автор поэмы «Возмездие» и ценен лишь постольку, поскольку движется в направлении критического реализма. Но никаких доказательств этого нет. Между тем советская литература о Блоке, с которой А. Волков считается мало, уже начала с успехом открывать истинное значение Блока-романтика.

Автор книги, безусловно, прав, резко критически подходя к литературе упадка. Большевистская партийность не может позволить нам благодушничать в разговоре об открыто антинародной, вредоносной, деморализующей культуре и поэзии. Здесь мы полностью согласны с А. Волковым. Но быть непримиримо резким нужно, разумеется, не в ущерб строгой доказательности и точности.

Едва ли, например, будет способствовать пониманию символизма такая оговорка: «В. Брюсов... один из вождей символистов, но (!!) человек объективно (?) честный и правдивый...» (стр. 79). Точно так же ничего не дает для характеристики «зауми» футуристов комментарий А. Волкова к одному из стихотворений А. Крученых: «Здесь в замкнутой форме преподносится безыдейность, характерная для поэзии декаданса» (стр. 258). Что означает в данном случае «замкнутая форма»?

Или скажем, разбирает А. Волков, творчество И. Анненского: «...еще более последовательным в отрицании общественного искусства оказался Иннокентий Анненский, поэзия которого во многом предвосхитила футуристическую «заумь» (стр. 233). В качестве иллюстрации приводится [часть одного стихотворения Анненского в довольно искаженном виде.

У Анненского

Накололи, намололи
Колоколы — балаболы.
Лопотуньи налетали,
Бормоталы навязали,
Лопотали — хлопотали,
Лопотали, бормотали,—
Лопоталы поломали.

У Волкова

Накололи — намололи,
Колоколы — балаболы,
Лопотуньи — налетали,
Бормотали — навязали,
Хлопотали — хлопотали,
Лопотали — бормотали,
Лопотали — поломали.

Цитируемое стихотворение «Колокольчики», имеющее подзаголовок: «Глухая дорога. Колокольчик в зимнюю ночь рассказывает путнику свадебную историю», является экспериментом. Оно вовсе не предназначалось для печати и увидело свет лишь в посмертном сборнике стихов поэта. Во всяком случае «заумь» ни в коей мере не определяет ведущей особенности поэтики Анненского.

Вообще учебный характер книги сбязывал автора с особой строгостью отнестись к точности сообщаемых им сведений.

Студент встретится в учебнике с целым потоком цитат из Горького, Серафимовича, Вересаева, Куприна, Бунина, Андреева, Блока, Брюсова, Маяковского, он познакомится с фактами из их биографий, увидит выписки со ссылками (а часто — без ссылок) на старые и новые источники, но, поверив им, он нередко ошибется.

А. Куприн, к примеру, родился не 20, как пишет Волков, а 26 августа 1870 года. Он был отдан в Разумовский пансион не шести, а семи лет. Будущий писатель из

пансиона не был «переведен во 2-й Московский кадетский корпус», а выдержал вступительный экзамен во вторую Московскую военную гимназию (1880), которая лишь через два года была преобразована во Второй московский кадетский корпус. Сборник очерков Куприна «Киевские типы» вышел первым изданием не в 1895, а в 1896 году (стр. 173—174). Символистское издательство С. А. Полякова «Скорпион» никогда не было московским декадентским журналом, равно как издательство В. Иванова «Орь», именуемое А. Волковым «Ор», не было журналом петербургским (стр. 279). В. Брюсов поступил в Московский университет не в 1894, а в 1893 году (стр. 267). Первый сборник «Русские символисты» вышел не в 1895 году (стр. 234), а в 1894-м. Сборник стихов А. Н. Толстого «За синими реками» появился не в 1909, а в 1911 году (стр. 207). Его отца звали не Николаем Алексеевичем, а Николаем Александровичем, отчима Бострома — не Алексеем Николаевичем, а Алексеем Аполлоновичем (стр. 204). В романе «Чудаки» нет Николая Смолякова и Сони Смольниковой. Героя зовут Николай Смольков, а его жена в девичестве носит фамилию Репьева (стр. 209) и т. д. и т. п.

Еще большее огорчение вызывает искажение приведенных в учебнике текстов.

Вот как преобразуются первые же приводимые слова Горького, взятые А. Волковым с двух страниц рассказа «Макар Чудра» (Собр. соч. в 30-ти томах, т. 1, стр. 10—11) и написанные им подряд на одной — 18-й — странице учебника:

У М. Горького

«Говор морской волны веселит ему сердце? Он раб — как только родился, всю жизнь раб, и все тут!»

«А сам он весь в дырках, рваный. Я и сказал ему...»

У А. Волкова

«Говор степной волны веселит сердце? Он раб, как только родился, всю жизнь, и все тут!»

«Сам он весь в дырках, рваный, я сказал ему...»

В элегии «За бортом» есть «ясная радуга» (т. II, стр. 363), в учебнике — «яркая радуга» (стр. 32); в повести «Варенька Олесова» говорится об «обломках», остающихся после интеллигента (т. II, стр. 519), в учебнике — об «обложках» (стр. 50) и т. д. и т. п. В пятитомнике Д. Бедного (к слову сказать, вышедшем под редакцией А. Волкова) напечатано: «пускай шипит слепая злоба» (т. I, стр. 73), а в учебнике «злоба» «кипит» (стр. 96). В басне «Хозяин и батрак» сказано: «...больше мне невмочь» (т. I, стр. 60), в пособии — «...больше я невмочь» (стр. 99). Революционный поэт А. Коц бичует «ликующее зло», а в «Русской литературе XX века» не «ликующее», а «минувшее зло» (стр. 78). У Брюсова: «над мраком факел ты взметнула» (Избр. соч., Гослитиздат, М. 1955, т. I, стр. 447), в книге — «над миром факел ты взметнула» (стр. 276). У Брюсова: «И живем, — чтоб бить» (там же, стр. 197), а в книге А. Волкова: «чтоб быть» (стр. 269). У Брюсова: «мне страшно ваших гордых слов» (там же, стр. 207), у А. Волкова: «мне стыдно ваших гордых слов!» (стр. 271). Блок призывает слушать Революцию «всем телом» (Соч. в 2-х томах, т. 2, М. 1955, стр. 228), а пособие — «всем делом» (стр. 292).

Трудно свести все эти и многие подобные им израненные цитаты к простым опечаткам, допущенным по вине типографии. И дело не только в их большом количестве, но и в прихотливости самого характера искажений. А. Толстой в автобиографии пишет: «Началась война. Как военный корреспондент («Русские ведомости»), я был на фронтах... Но я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие...» (Полн. собр. соч., М. 1951, т. I, стр. 85). В книге цитата приводится так: «И только

когда наступила война и я, как военный корреспондент, побывал на фронтах, я увидел подлинную жизнь, я принял в ней участие...» (стр. 213).

В последней главке пособия дело доходит до того, что склеиваются четверостишья из двух разных стихотворений Маяковского («Адище города» и «Кое-что про Петербург») и новорожденное создание объявляется «одним из ранних стихотворений Маяковского, посвященных теме города», «в первой же строфе» которого «виден угол зрения поэта»:

Адище города окна разбили
на крохотные, сосущие светом адики¹.
Рыжие дьяволы, вздымались автомобили.
над самым ухом взрывая гудки.
Слезают слезы с крыши в трубы,
к руке реки чертя полоски;
а в небо свисшие губы²
воткнули каменные соски (стр. 301).

Этого мало. А. Волков, решив, очевидно, увеличить поэтический багаж юного Маяковского, сам перекладывает в стихи его статью «Не бабочки, а Александр Македонский»:

Вмешивайтесь в жизнь!³
Мы сильнее, мы вам поможем!
Ведь дорогу к новой поэзии завоевали
Мы, первые заявившие:
— Слово — «самоцель» (стр. 300)⁴.

Инициатива Учпедгиза, решившего выпустить книгу, посвященную русской литературе XX века, заслуживает самого горячего сочувствия. Но статья настоящим учебным пособием книге А. Волкова мешают упрощенность некоторых решений, неряшливость формулировок и обилие фактических ошибок. Предмет, избранный А. Волковым для популяризации, требует от литературоведа более ответственного отношения к делу.

О. МИХАЙЛОВ, В. СКВОЗНИКОВ

УПРОЩЕННО О СЛОЖНОМ *

За последние годы в различных издательствах вышло несколько работ, посвященных русской литературе начала XX века. Недавно их число пополнилось новой книгой — учебным пособием для вузов «Русская литература XX в.», написанным тремя авторами: Н. Бурлаковым, Г. Пелисовым и И. Ухановым. Какова научная ценность этой работы, что прибавляет она к уже имеющимся исследованиям по литературе данного периода? — вот вопросы, которые возникают при знакомстве с новой книгой.

¹ У Маяковского — «адки» (Полн. собр. соч., М. Гослитиздат, 1955, т. I, стр. 55).

² У Маяковского — «а в неба свисшиеся губы» (Т а м ж е, стр. 43).

³ У Маяковского — «вмешайтесь» (Т а м ж е, стр. 317).

⁴ У Маяковского кавычек нет.

* Н. Бурлаков, Г. Пелисов, И. Уханов, Русская литература XX в. Дооктябрьский период, Учпедгиз, М. 1957, 215 стр.